

Танкер «Дербент»: Вызов -5

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 24 января, 2025

Танкер "Дербент": Вызов -5 5.

Последняя баржа была подана с опозданием на два часа. Буксир подтащил ее к борту «Дербента», вспенил винтами воду, свистнул пронзительно и затих. На палубе баржи неторопливо ворочались угрюмые, заспанные люди в тулупах, растягивая наливной шланг. С борта танкера за ними наблюдали моряки.

— Там на рейде чиновники сидят, чернильное крысы! — волновался Володя Макаров. — Им наплевать на то, что мы потеряли два часа. Так мы ничего не добьемся. Их нужно как-то ударить...

— Напишем заявление начальнику Каспара, — сказал Котельников рассудительно. — Он их подтянет.

Гусейн посматривал на говоривших, судорожно дергая бровью. Его нестерпимо раздражали медлительные движения людей на барже и их безучастные лица.

— Вы всегда так ходите? — крикнул он вниз. — Эй вы, с броненосца!

— Не задирай их, — посоветовал Котельников, — они назло будут тянуть канитель.

Но Гусейн не унимался:

— Скажите вашим начальникам-раздолбаям, что мы жаловаться будем. Мы управу найдем!

— Зря ругаетесь, — ответили снизу, — мы люди маленькие.

Гусейн отошел от борта. Бесцельно сокращать время стоянок и экономить минуты, когда результат всех этих усилий может пойти насмарку из-за простой невнимательности диспетчера на берегу. Моряки «Дербента» заинтересованы в успехе соревнования, но успех этот зависит и от диспетчера, и от мохнатых людей с баржи, и от пристанских рабочих в порту, и Гусейн старался не глядеть на то, что происходило на барже, старался сдержать закипавшее в нем глухое раздражение, которое казалось еще тяжелее оттого, что сердиться, в сущности, было не на кого.

По выходе с рейда он успокоился немного: «Дербент» делал

двенадцать узлов. Потом была вахта, и она прошла сравнительно спокойно, — двигатели оборотов не сбавили, топливо подавалось исправно. Все же иногда колола назойливая мысль: может быть, все это напрасно?

Пообедав после вахты, он спал. Но проснувшись, сквозь глазок иллюминатора увидел плотную молочно-белую муть.

Туман всегда наполнял Гусейна горькой тоской и поднимал со дна души отболевшие как будто печали. Он вышел на палубу; огни, вспыхнувшие на мачтах, горели мутно, словно обернутые белой шелковой тканью. Глухо звучали голоса и шаги. У подошедшего Володи был хриплый голос и лицо казалось зеленоватым.

— Послушай, что сделали наши командиры, — сказал Володя, — этакая глупость! А туман-то, туман!.. Теперь уже обязательно опоздаем.

Гусейн не удивился ни печальному лицу Володи, ни его словам. Что хорошего может произойти при таком тумане? Он вдыхал густой, удушливый воздух и сплевывал за борт сладковатую слюну.

— Отправили, слышь, телеграмму, — говорил Володя, — «на основе соревнования и ударничества...» Спекулируют, подлецы!

— Черт с ними, — промолвил Гусейн равнодушно, — туман идет лавой. Вот и скорость убавили, я слышу.

— Обидно, — сказал Володя, — на чем спекулируют! Ну, пойду я...

Гусейн остался один. Вокруг все двигалось медленно и бесшумно. Серые клочья тумана ползли по палубе, цепляясь за люки, взбираясь по ступенькам трапов, и от них пахло затхлой сыростью и еще чем-то удушливым, напоминающим отработанный газ.

Рявкнула сирена «Дербента» коротким, простуженным гудком, и ей откликнулось тонким воем встречное судно, мигнув в тумане зеленым глазом. Гусейн присел на корточки и обхватил руками колени.

— Плохо, — сказал он тихонько, и голос его прозвучал слабо и глухо, — испохабили соревнование своими телеграммами... подлецы, подлецы! И на берегу такие же... — Он нетерпеливо перебирал в уме все случившееся за последние дни, надеясь найти еще что-то, самое плохое, что переполнит его и разрешит предаться

отчаянию,

«Туман задержит, здорово задержит... и Женя на бульвар не придет. Туман и позднее время – ни за что не придет! Сколько уж мы не виделись? Да и на что я ей сдался? А Басов агитирует. На что он надеется, когда на берегу лавочка и все покрывают друг друга и не найдешь концов?... Отписки, фальшивые донесения. А может быть, Басов ни на что не надеется, и он такой же, как астраханский диспетчер, такой же, как Касацкий и Алявдин, только гораздо хитрее?... Порт близко. Там остров, теперь огни пойдут, огни... Пивка бы хлебнуть теперь! Самое время...»

Он подошел к борту и, положив руки на перила, повернул лицо навстречу плывущему из тумана зареву портовых огней. Так стоял он, поминутно сплевывая сладкую слюну и вздрагивая от сырости, пока не загремели брошенные сходни. Тогда он сбежал на пристань и пошел не оглядываясь, облегченно размахивая руками, словно покидал танкер навсегда.

Вахтенные сновали по палубе, перекликаясь в тумане, и им было не до Гусейна. Его увидели час спустя моряки с «Дербента», зашедшие в пивную погреться. Среди них был и слесарь Якубов, тот самый, которого Гусейн научил обращаться с подъемным краном, – тихий, незаметный человек, бросивший курить только потому, что, покупая папиросы, раздавал их другим. Он ахнул, заметив Гусейна за соседним столом, и все порывался подойти к нему, чтобы увести на пристань. Но палубный матрос Хрулев крепко держал слесаря за рукав.

– Не лезь, пожалуйста. Сейчас этот ударник себя покажет! – шептал он злорадно. – Да сиди, говорю!

Гусейн поводил вокруг светлыми бешеными глазами, стараясь поймать ускользавшие взгляды соседей. Он развалился на стуле перед батареей пустых бутылок, и к нижней губе его, отвисшей и покрытой пеной, прилип погасший окурок. Вокруг столика давно уж беспокойно кружили официанты, а напротив случайный собутыльник – маленький потрепанный человек, испуганный и ослабевший, – покорно жмурил пьяные глазки, собираясь улизнуть.

Внезапно Гусейн поднялся и стряхнул со стола бутылки.

Пошатываясь и шагая по цветным осколкам, он пошел к двери, и навстречу ему двинулась белая армия официантов, угрожающе помахивая салфетками, но у выхода он толкнул одного ладонью, и тот ахнул, ударившись головой о косяк. Гусейн выскочил на улицу и побежал, слыша позади свистки. В пивной Хрулев качался от смеха, хлопая себя по коленкам, Якубов протягивал деньги официантам, упрашивая не делать скандала.

Гусейн уже не мурлыкал тоненько и нежно, как на море в предзакатные часы. Захлебываясь от пьяной одышки и помахивая над головой кулаком, он ревел, как паровая сирена. Прохожие сворачивали на мостовую, у подъезда кино под фонарями оглушительно визжали подростки:

– Бичкомер!.. Бандюга!.. Галах!..

На перекрестке Гусейн расставил руки, преграждая дорогу заматавшейся в испуге женской фигуре.

– Попалась, Марусь!.. – И, взглянув в побледневшее молодое лицо, вдруг улыбнулся потерянно и печально. – Чего боишься, разве я трону! Эх ты, милая!..

Ярость его внезапно исчезла, сменилась слабостью и покорной тоской. На бульваре он рухнул на скамью и рванул ворот рубахи. Деревья медленно уплывали слева направо, и стволы их купались в осевшей массе тумана.

– Теперь уж, конечно, не поправишь... – сказал он, тяжело ворочая языком, – теперь будут судить... в красном уголке, как тогда... Басов будет судить, ясное дело. Кон-е-е-шно! Ну-к что ж, судите, разве я против? Пож-жалуйста! – Он поднял голову и прислушался к вою сирены. – «Дербент» кричит... Эх, голосистый! Выберут якоря и пойдут... без меня. Очень просто.

В левом кулаке чувствовал он ноющую боль и влажность, словно раздавил что-то живое и липкое. Он поднес к глазам черную от крови ладонь.

«Где это я?.. Бутылки...»

Болела голова, и тошнота подступала к горлу. Еще завывала далекая сирена, и ноги Гусейна похолодели.

«Что это я сижу? Вот и еще сижу... и еще, – считал он мгновения, мучительно вытягивая ноги. – Если подняться теперь же, то

можно дойти... Эх, пропаду!»

Наконец он сполз со скамейки и, поднявшись, закачался на длинных ногах, стараясь подавить приступ тошноты.

– Надо дойти, – сказал он громко, – и к Басову... Пройти незаметно. Он же знает, болезнь у меня.

Возле продовольственной лавки под навесом стояли двое. У причала шипели волны в камнях.

– Ты говоришь, что он на бульвар побежал? – спрашивал Басов озабоченно и сердито. – И вы не могли остановить его? Герои липовые!

– Да мы не успели, он как бешеный, – оправдывался Якубов, – официанты и те отступились. Одного он ка-а-ак толканет! Сила у него...

– Смотрите, никому ни слова, – напомнил Басов. – Это не он ли идет, посмотри.

Человек двигался вдоль насосной станции, кидавшей на асфальт черный квадрат тени. Он шел как бы крадучись и в то же время спотыкаясь и загребая ногами. Издали слышалось его тяжелое, хриплое дыхание. Он увидел людей под навесом и остановился.

– Александр Иванович, – позвал он тихо, – мне нельзя на танкер?... Поним-а-аю!

– Вам надо пройти в мою каюту, – сказал Басов резко, – старайтесь не начаться. Идите вперед.

Они шли гуськом та причалу. Якубов из деликатности отстал немного, сделав вид, что поправляет шнурок ботинка. Ему было жалко Гусейка. На палубе у сходней чернели фигуры вахтенных, крутился и вспыхивал огонек папиросы.

Гусейн выпрямился и пошел по сходням. На середине он потерял равновесие и охнул, схватившись за перила порезанной рукой. На палубе засмеялись.

– В доску! – произнес чей-то голос. – Видали, ребята?

Басов взошел на палубу и остановился,

– Хрулев, – позвал он, – подите сюда!

Матрос подошел, пряча за спиной руку.

– Чего хотели?

– Есть предписание за курение во время погрузки снимать с

работы и отдавать под суд. С вами это не первый случай...

— Я потушил. — Хрулев торопливо поплевал на окурок, согнувшись и пряча лицо. — Кого преследуете, а кого покрываете через пьянку, — сказал он дрожащим голосом, — не по совести это!

— Зачем покрывать? — произнес Басов лениво. — Завтра я подам рапорт, и каждый получит свое. Понятно?

— Так я потушил уже...

— А он уже трезвый...

— Последний раз, Александр Иванович, честное слово...

В жилом коридоре было пусто, только снизу, из кают-компаний, доносились голоса. Басов вошел в каюту. Гусейн сидел за столом, обхватив голову руками. Он слегка раскачивался, словно перенося нестерпимую боль. Его рубашка, покрытая липкой грязью, пристала к телу; на затылке торчали мокрые косицы волос.

— Вас видел кто-нибудь? — спросил Басов. — У вас кровь на лице. Откуда это?

Гусейн поднял голову и всхлипнул.

— Я подлец, Саша, — заговорил он тихим, трезвым голосом, — загубил свою жизнь и испачкал судно. Зачем ты привел меня сюда?

Он затрясся, перекосил рот и размазал по лицу слезы. Басов вздохнул и присел на койку.

— Слушай, брось ныть, — сказал он нетерпеливо, — у тебя повсюду кровь и еще... ты, верно, блевал? Иди умойся над раковиной.

Он встал, открыл шкаф и вытащил чистую рубашку. Гусейн поставил голову под кран, тер ладонями лицо, громко сопел и вздрагивал. По его голым локтям побежали струйки воды и забарабанили по полу. Он конфузливо подобрал локти и открыл один глаз.

— Рубашку эту долой, — командовал Басов, — наденешь мою пока. Ух, какая ты сволочь, просто удивительно! Пьяную истерику затеял. С чего бы это, интересно? В такое время, когда дисциплина вот как нужна!.. На полотенце... Разве ты товарищ? Дерьмо ты!

— Ругайся... Что ж, ругайся.

Гусейн вытер лицо и переменял рубашку. Уселся на стул и сложил руки на коленях. Чистая рубашка празднично коробилась на его спине, и лицо его медленно и робко светлело.

– Все как-то накопилось, понимаешь, – прохрипел он, – на рейде чиновники, а наши тоже хороши... телеграмму послали: «соревнование, мол, похвалите нас скорее». А тут туман...

– Одним словом, бабушка тебе наворожила! Просто ты растленный тип, люмпен! Еще немного, и ты опозорил бы судно. Случайно ведь сошло!

– Теперь уж крышка, Саша. Этому не бывать! Ты не скажешь никому. Верно?

– Не знаю. – Басов подумал. – Помполиту скажу, Бредису. Но он хороший парень. Уладим, я думаю.

Гусейн вздохнул и посмотрел в окно.

– Отошли уже, – сказал он облегченно, – отошли... Powestler